Цветок на Земле / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Цветок на Земле / рассказ ЦВЕТОК НА ЗЕМЛЕ

Скучно Афоне жить на свете. Отец его на войне, мать с утра до вечера работает в колхозе на молочной ферме, а дедушка Тит спит на печке. Он и днем спит, и ночью спит, а утром, когда просыпается и ест кашу с молоком, он тоже дремлет.
— Дедушка, ты не спи, ты уж выспался, — сказал нынче утром Афоня дедушке.
— Не буду, Афонюшка, я не буду, — ответил дед. — Я лежать буду и на тебя глядеть.
— А зачем ты глаза закрываешь и со мной ничего не говоришь? — спросил тогда Афоня.
— Нынче я не буду глаза смежать, — обещал дедушка Тит. — Нынче я на свет буду смотреть.
— А отчего ты спишь, а я нет?
— Мне годов много, Афонюшка… Мне без трех девяносто будет, глаза уж сами жмурятся.
— А тебе ведь темно спать, — говорил Афоня. — На дворе солнце горит, там трава растет, а ты спишь, ничего не видишь.
— Да я уж все видел, Афонюшка.
— А отчего у тебя глаза белые и слезы в них плачут?
— Они выцвели, Афонюшка, они от света выцвели и слабые стали; мне глядеть ведь долго пришлось.
Афоня осмотрел деда, какой он есть. В бороде деда были хлебные крошки, и там жил еще один комарик. Афоня встал на лавку, выбрал все крошки из бороды у деда, а комарика прогнал оттуда — пусть живет отдельно. Руки дедушки лежали на столе; они были большие, кожа на них стала как кора на дереве, и под кожей видны были толстые черные жилы, эти руки много земли испахали.
Афоня поглядел в глаза деду. Глаза его были открыты, но смотрели Равнодушно, не видя ничего, и в каждом глазу светилась большая капля слезы.
— Не спи, дедушка! — попросил Афоня.

Но дедушка уже спал. Мать подсадила его, сонного, на печку, укрыла одеялом и ушла работать. Афоня же остался один в избе, и опять ему скучно стало. Он ходил вокруг деревянного стола, смотрел на мух, которые окружили на полу хлебную крошку, упавшую из бороды деда, и ели ее; потом Афоня подходил к печке, слушал, как дышит там спящий дед, смотрел через окно на пустую улицу и снова ходил вокруг стола, не зная, что делать.
— Мамы нету, папы нет, дедушка спит, — говорил Афоня сам себе.
Потом он посмотрел на часы-ходики, как они идут. Часы шли долго и скучно: тик-так, тик-так, будто они баюкали деда, а сами тоже уморились и хотели уснуть.
— Проснись, дедушка, — просил Афоня. — Ты спишь?
— А? Нету, я не сплю, — ответил дедушка Тит с печки.
— Ты думаешь? — спрашивал Афоня.
— А? Я тут, Афоня, я тут.
— Ты думаешь там?
— А? Нету, я все обдумал, Афонюшка, я смолоду думал.
— Дедушка Тит, а ты все знаешь?
— Все, Афоня, я все знаю.
— А что это, дедушка?
— А чего тебе, Афонюшка?
— А что это все?
— А я уж позабыл, Афоня.
— Проснись, дедушка, скажи мне про все!
— А? — произнес дедушка Тит.
— Дедушка Тит! Дедушка Тит! — звал Афоня. — Ты вспомни!
Но дед уже умолк, он опять уснул в покое на русской печи.
Афоня тогда сам залез на печь к дедушке и начал будить его, чтобы он проснулся. А дед спал и только шептал тихо во сне неслышные слова. Афоня уморился его будить и сам уснул возле деда, прильнув к его доброй знакомой груди, пахнувшей теплой землею.
Очнувшись от сна, Афоня увидел, что дед глядит глазами и не спит.
— Вставай, дедушка, — сказал Афоня. А дед опять закрыл глаза и уснул.
Афоня подумал, что дед тогда не спит, когда он спит; и он

захотел никогда не спать, чтобы подкараулить деда, когда он совсем проснется.
И Афоня стал ожидать. Часы-ходики тикали, и колесики их поскрипывали и напевали, баюкая деда.
Афоня тогда слез с печи и остановил маятник у часов. В избе стало тихо. Слышно стало, как отбивает косу косарь за рекой и тонко звенит мошка под потолком.
Дедушка Тит очнулся и спросил:
— Ты чего, Афоня? Что-то шумно так стало? Это ты шумел?
— А ты не спи! — сказал Афоня. — Ты скажи мне про все! А то ты спишь и спишь, а потом умрешь, мама говорит — тебе недолго осталось; кто мне тогда скажет про все?
— Обожди, дай мне квасу испить, — произнес дед и слез с печи.
— Ты опомнился? — спросил Афоня.
— Опомнился, — ответил дед. — Пойдем сейчас белый свет пытать.
Старый Тит испил квасу, взял Афоню за руку, и они пошли из избы наружу.
Там солнце высоко стояло на небе и освещало зреющий хлеб на полях и цветы на дорожной меже.
Дед повел Афоню полевой дорогой, и они вышли на пастбище, где рос сладкий клевер для коров, травы и цветы. Дед остановился у голубого цветка, терпеливо росшего корнем из мелкого чистого песка, показал на него Афоне, потом согнулся и осторожно потрогал тот цветок.
— Это я сам знаю! — протяжно сказал Афоня. — А мне нужно, что самое главное бывает, ты скажи мне про все! А этот цвет растет, он не все!
Дедушка Тит задумался и осерчал на внука.
— Тут самое главное тебе и есть!.. Ты видишь — песок мертвый лежит, он каменная крошка, и более нет ничего, а камень не живет и не дышит, он мертвый прах. Понял теперь?
— Нет, дедушка Тит, — сказал Афоня. — Тут понятного нету.
— Ну, не понял, так чего же тебе надо, раз ты непонятливый? А цветок, ты видишь, жалконький такой, а он живой, и тело себе он сделал из мертвого праха. Стало быть, он мертвую сыпучую землю обращает в живое тело, и пахнет от него самого чистым духом. Вот тебе и есть самое главное дело на белом свете, вот

тебе и есть, откуда все берется. Цветок этот — самый святой труженик, он из смерти работает жизнь.
— А трава и рожь тоже главное делают? — спросил Афоня.
— Одинаково, — сказал дедушка Тит.
— А мы с тобой?
— И мы с тобой. Мы пахари, Афонюшка, мы хлебу расти помогаем. А этот вот желтый цвет на лекарство идет, его и в аптеке берут. Ты бы нарвал их да снес. Отец-то твой ведь на войне; вдруг поранят его, или он от болезни ослабнет, вот его и полечат лекарством.
Афоня задумался среди трав и цветов. Он сам, как цветок, тоже захотел теперь делать из смерти жизнь; он думал о том, как рождаются из сыпучего скучного песка голубые, красные, желтые счастливые цветы, поднявшие к небу свои добрые лица и дышащие чистым духом в белый свет.
— Теперь я сам знаю про все! — сказал Афоня. — Иди домой, дедушка, ты опять, должно, спать захотел: у тебя глаза белые… Ты спи, а когда умрешь, ты не бойся, я узнаю у цветов, как они из праха живут, и ты опять будешь жить из своего праха. Ты, дедушка, не бойся!
Дед Тит ничего не сказал. Он невидимо улыбнулся своему доброму внуку и пошел опять в избу на печку.
А маленький Афоня остался один в поле. Он собрал желтых цветов, сколько мог их удержать в охапке, и отнес в аптеку, на лекарства, чтобы отец его не болел на войне от ран. В аптеке Афоне дали за цветы железный гребешок. Он принес его деду и подарил ему: пусть теперь дедушка чешет себе бороду тем гребешком.
— Спасибо тебе, Афонюшка, — сказал дед. — А цветы тебе ничего не сказывали, из чего они в мертвом песке живут?
— Не сказывали, — ответил Афоня. — Ты вон сколько живешь, и то не знаешь. А говорил, что знаешь про все. Ты не знаешь.
— Правда твоя, — согласился дед.
— Они молча живут, надо у них допытаться, — сказал Афоня. — Чего все цветы молчат, а сами знают?
Дед кротко улыбнулся, погладил головку внука и посмотрел на него, как на цветок, растущий на земле. А потом дедушка

спрятал гребешок за пазуху и опять заснул.

Андрей ПЛАТОНОВ. Hekaýalar